

УДК 316.37

ГРНТИ 02.41.41

**Проблема социальной субъектности
в определении исторической ответственности**

Красавин Игорь Вячеславович,
Кандидат философских наук,
Доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
г. Екатеринбург, Россия.
krasavin.i@gmail.com

Аннотация

В статье проблема исторической ответственности рассматривается с точки зрения современной социальной теории. Некоторые вопросы исторической ответственности: банальность и частичность зла, единство и множественность истории рассматриваются в контексте определения социальной субъектности. Основной тезис статьи заключается в том, что форма исторической ответственности определяется субъектностью социальных акторов, которая, в свою очередь, с трудом поддается однозначному толкованию. Гетерогенность общества предполагает множественную субъектность, что ведет к многообразию оценок ответственности.

Abstract

The problem of historical responsibility is analyzed in this paper from the point of view of contemporary social theory. Some questions of historical responsibility: the banality and partiality of evil, the unity and multiplicity of history analyzed in the context of definition of social subjectivity. The main argument of the paper is that the form of historical responsibility is defined by subjectivity of social actors, which, in its turn, hardly succumbs to unambiguous interpretation. Heterogeneity of society pre-supposes multiple subjectivity that leads to diversity of responsibility evaluation.

Ключевые слова: Ответственность, множественность, актор, гетерогенность, сингулярность, субъектность.

Key words: Responsibility, multiplicity, actor, heterogeneity, singularity, subjectivity.

Проблема определения исторической ответственности заключается в том, что ее субъект (индивидуальный или коллективный) полагается уже известным и тождественным реальному сообществу, тогда как действительность вовсе не так однозначна. Обычное толкование исторической ответственности использует ценностные образы коллективной памяти в связке с эмоциями вины или гордости, которые представляют ответчика, то есть, воплощенного в них общественного субъекта. Следствием ценностного определения субъекта является его самоидентификация, что влечет за собой (псевдо)юридический вариант вменения ответственности. Однозначность и обязательность юридической нормы приводят нас к унифицированной политической позиции, которую пытаются приписать сообществу, что и является конечной целью высказываний об ответственности. Однако политические отношения всегда предполагают гетерогенность, что и делает однозначную идентификацию коллективного субъекта проблематичной. Чтобы понять многозначность отношений ответственности, необходимо учитывать, что юридическая и моральная оценки представляют собой частные случаи ответственности. Последняя является не только целеполаганием должного (формально абстрактно универсального, но по факту всегда множественного и конкретного), но и вообще ответом, реакцией сообщества на отношения с другими людьми. Следовательно, определение объектов ответственности предполагает наличие той или иной субъектности у социальных акторов, поскольку каждой субъектности соответствует свое понимание ответственности.

Чтобы понять феномен исторической ответственности, необходимо определить онтологические границы того субъекта, которого мы хотим заставить держать ответ. Проблема онтологической организации социальной гетерогенности разрабатывается в нескольких философских и социологических теориях, из которых наибольший интерес для нас представляют социальная монадология Г. Тарда, философия различия Ж. Делеза, акторно-сетевая теория Б. Латура и Д. Ло, теория сборки М. Деланда и теория множества А. Матерона, Э. Балибара, А. Негри, теории социального конструктивизма Б. Андерсона, К. Кастириадиса. Всех этих авторов объединяет онтология различия, которая фокусируется на процессах становления и их реализации в виде социальных отношений.

Процессы организации, присущие реальности, согласно Ж. Делезу, являются ризоматичными, с децентрированной структурой, в которой могут установить связь любое отношение и любой объект. Их организация как абстрактно, так и в реальном времени образована сериями повторений и различий, посредством наблюдения которых и выявляются отношения, или смыслы каких-либо действий. К свойствам такого типа онтологической организации относятся: множественность (поскольку отношение всегда предполагает

нескольких акторов), совместность, или сопоставимость части и целого (целое является одной из частей), дифференциация (смысл и действие отношения для каждого актора различен), ассоциация (в рамках любой связи возможно создание бесконечно разнообразных отношений), сингулярность (каждый объект одновременно единичен и множественен, в обоих случаях проявляя различные свойства) [2, 256 – 258].

Все эти свойства присущи обществу вообще и каждому сообществу в частности. Важным требованием, которое предъявляется современной социальной теорией, является реализм онтологии общества. Социальные отношения реализуются в необратимом времени и отличаются самоорганизацией, поэтому интерпретация события не может быть связана с доминированием какой-либо отдельной идеи, ценности, связи, актора, типа деятельности или организации. Было бы неверно считать, что виновником войны может быть одно отдельно взятое государство или только его правящая верхушка. Также было бы неверно полагать, что исторические события воплощают собой одну логику событий, имеют одну общую причину или цель.

Самоорганизация отношений происходит автоматически под взаимным действием ассоциации и дифференциации и основывается на схожести типических признаков отношений и объектов. Благодаря этому общество является множеством, в котором все объекты связаны с друг другом и проявляют бесконечное разнообразие отношений. В самоорганизующейся децентрализованной структуре множественные изменения неизбежны и являются частью воспроизводства отношений. Дифференциация и ассоциация объектов с различными свойствами, их распространение или сжатие, увеличение или уменьшение интенсивности отношений, их воспроизводство или прекращение указывают на пространственное, топологическое строение связей. Несмотря на принадлежность к обществу как целому, разные части общества по-разному собирают схожие социальные объекты в силу различий локальных условий. То есть, одни и те же исторические процессы будут по-разному восприниматься различными социальными группами, сообществами и странами [5, 12 – 15].

Таким образом, индивиды и группы, хотя и собираются статистически, действуют как единичности, располагаясь на разных уровнях организации сообщества. Существовая совместно, коллективные и индивидуальные тела (макро и микро объекты) действуют в параллельных реальностях, а их взаимные переходы напоминают не иерархию социальной структуры дюркгеймовского типа, а ленту Мёбиуса. С одной стороны, группы представляют собой не более, чем статистическое повторение признаков индивидов. С другой, несмотря на разницу условий существования индивидов, группы, по совокупности признаков, действуют как целые, то есть, акторы, которым можно до некоторой степени вменить (не наблюдаемую непосредственно, а реконструируемую) субъектность. Это указывает на частноподобный, или

самоафинный, характер социальных отношений, поскольку любая сингулярность, включая и само сообщество, оказывается собранием типичных (серийных) признаков (различий). Индивиды и группы в реальном необратимом времени взаимно опосредуют друг друга, причем, опять же, не системой норм, ценностей или правил, но их автоматическим построением в виде серий повторений и различий [6].

В связи с этим социальным отношениям присуща подвижность значений, а установление однозначного соответствия является исключением из правил, поскольку любое отношение единичностей может опосредовать другое (отношение). Вот почему субъектность, индивидуальная или коллективная, так же сингулярна. В каждом конкретном случае она является определенной, с соответствующими идентификациями и действиями. В то же время, отношения любого единичного актора, посредством которых он участвует в событиях, множественны, а, следовательно, множественна и субъектность: действия могут не совпадать с идентификациями, точно так же, как различаются собственные представления актора и представления других людей о каком-то событии. Ни у какого воплощения субъектности нет исключительного статуса. Идея какой-либо субъектности является единичным существованием (пусть и абстрактным) и не зависит от ее практического воплощения актором [4, 187 – 193].

Теперь давайте посмотрим, как в рамках такого теоретического дискурса можно трактовать историческую ответственность человеческих сообществ. Прежде всего нужно обратить внимание на совместность исторического существования. Если история проживается совместно с другими, то не может быть некоей общей, унифицированной точки зрения на исторические события. Для каждого актора в общем историческом процессе будет выстраиваться своя последовательность событий и соответствующий нарратив их интерпретации. Граждане соседних стран неизбежно по-разному будут оценивать общие исторические события, и ни одна точка зрения не может быть доминирующей. Другими словами, историческая память не может быть апроприирована какой-то одной позицией, а все претензии на свою интерпретацию памяти онтологически равнозначны. Множественность интерпретаций и связанная с ними политическая разнородность неизбежны как факт совместной жизни разных сообществ. Более того, именно совместность разнородных людей делает возможным воспроизводство их ценностных идентификаций: «я – другой, мы – они». Без присутствия других людей с их интерпретацией истории невозможно наше собственное существование и, как следствие, наша точка зрения на исторические процессы.

Если историческое существование людей совместно и множественно, такой же будет и ответственность за него. То есть, с одной стороны, ни у кого нет «алиби в бытии» (М. Бахтин), каждый причастен к историческому процессу человечества. С другой, человеческое

сообщество с его историческим процессом, взятые в целом, невоспринимаемы и несубъективируемы, они только воображаются и подразумеваются в качестве реальных посредством общих понятий. Масштаб и формы участия, его рациональное объяснение, как и ответственность, будут в каждом случае различны, а связь индивидуальных действий с коллективными – неоднозначной. Вследствие того, что отношения в истории являются статистической сборкой единичных событий на разных уровнях организации общества, границы участия акторов сингулярны. Множество актуальных смыслов, содержащихся в отношениях отдельного актора, лишь частично относятся к нему как субъекту или как единичному явлению. Социально наиболее влиятельные смыслы (аспекты отношений) события относятся к более крупным образованиям (макрообъектам) и включают данного отдельного актора в качестве статистической величины наряду с другими. И наоборот, наиболее значимые для актора смыслы отношений, в которых он выступает субъектом, полагающим реальность, представляют его как конкретного индивида, а не как малозначительную часть «всеобщих» процессов истории.

Необратимый ход социальных отношений рождается путем взаимной детерминации: большие процессы появляются из подражания индивидов друг другу. Результатом этого, что особенно важно для темы ответственности, является причинно-следственная неопределенность событий, а с нею и трудности субъективации конкретных акторов применительно к событию. Иначе говоря, заранее неизвестно, насколько те или иные процессы, смыслы являются причиной/следствием преднамеренных действий и насколько эти отдельные действия могут быть связаны с индивидуальным или коллективным поведением. Таким образом, границы событий и участия в них акторов не даны в качестве однозначных фактов, а представляют собой проблему, решение которой, в конечном счете, индивидуально применительно к каждому единичному актору. Тем не менее, участники событий вполне способны рефлексивно определять (в границах своих систем ценностей) смыслы отношений, передавать и разделять их друг с другом, поскольку разнообразие практик основывается на довольно ограниченном наборе типичных отношений. Это дает нам не только способность к определению и вменению ответственности, но и делает нас конформными по отношению к социальному порядку, сводя рефлексию над ним к опознаванию привычных (а не каких-то иных) отношений.

Отсюда можно заключить, что проблема ответственности индивидов и коллективов за совершенные (или предполагаемые в будущем) действия, помимо всего прочего, является проблемой поддержания социального порядка. Постоянство последнего, за счет конформности индивидов, удерживает отношения в определенных границах, что позволяет выявлять тип рациональности и действия акторов. Однако, если источником действий

является разделяемый акторами социальный порядок, то смещается их этический выбор. Конформисты избегают выбора и уклоняются от индивидуальной ответственности, поручая их порядку невоспринимаемого макротела сообщества, лояльность которому также требует ответственности. Эта проблема хорошо известна как «банальность зла» [1, 28 – 34]. Акторы, совершающие зло, зачастую относительно его не совершают этического выбора (рационально не встают на сторону зла) и не теряются в вихре обуревающих чувств. Они лишь выполняют то, что требует от них социальный порядок, который, в противном случае, может обернуться и против них самих. Между тем, ответственность полагается этическим выбором актора, в связи с чем выбор и осуществляет его субъективацию, создавая то сообщество, которое актер готов принять как свое собственное.

Здесь возникает дилемма: с одной стороны, конкретный поступок совершает конкретный индивид, и внешняя оценка поступка никак не зависит от мотивов актора. Но механическое подчинение исключительно внешнему предписанию (как злomu, так и добромu), без совершения этического выбора – аморально. Поэтому, с другой стороны, важен источник рациональности, в рамках которой совершается поступок, а он оказывается неоднозначным. Случай, когда индивид рационально совершает этический выбор в пользу зла, (как бы) очевиден. В том же случае, когда выбор совершается в пользу предписаний социального порядка, однозначной связи между индивидом и поступком нет, ибо этический выбор совершает воображаемое макротело сообщества, тогда как выбор индивида другой – в пользу конформизма. То есть, когда требования порядка меняются, а происходит это довольно часто и к тому же радикально, люди, творившие «зло», встают на сторону «добра». Однако было бы слишком просто списать ответственность за поступки на анонимный порядок сообщества. Как неоднократно отмечалось выше, сообщество автоматически складывается из индивидуальных поступков и не является простой машиной репрессии безответных индивидов. В этом проявляется монадичность сообщества: поступок коллектива – это поступок индивида, к которому в полной мере применим кантовский категорический императив, но рациональность индивида не принадлежит ему самому, будучи опосредованной невоспринимаемым сообществом.

Другой аспект ответственности связан с проблемой частичности зла, представляющей собой древний парадокс кучи (с какого количества песчинок начинается куча). Событие, которое можно отнести ко злу, не является чем-то простым и однозначным, а состоит из множества различных действий, по разным причинам совершаемых акторами. Так же, как и в случае с банальностью зла, тут присутствует неопределимость (и, следовательно, онтологическая неменяемость) события зла как множества злых поступков. Каждый отдельно взятый поступок может не содержать зла как такового, исходить из разных типов

рациональности, ценностей, быть конформным и т.п. И хотя результат (совершенное зло) говорит сам за себя, однозначная онтологическая связь акторов, поступков и события будет отсутствовать, а, следовательно, будет отсутствовать и субъект ответственности за событие. Но если каждый актер будет ответственным лишь за свой частный поступок, ответственность за событие зла станет не более, чем фигурой речи, ни к чему не обязывающей риторикой.

Здесь необходимо прояснить различие между событием и поступком, следствием которого станет различие воображаемого и воспринимаемого сообществ, которые по-разному определяют ответственность актора. Событие вмещает все аспекты отношений, которые могут быть выделены в каком-либо действии, а поступок содержит только непосредственный акт. Хотя поступок возможен только благодаря событию, судят, тем не менее, по поступкам. Частью события является воображаемое сообщество, к которому актер относится так, как если бы оно было реальным и перед которым актер ответственен в ходе этического выбора. Воображаемое сообщество создается при помощи тех ценностей, идеологических нарративов, которые разделяет индивид, благодаря чему он совершает какие-то определенные поступки, в то время, как мог бы совершить другие. Воспринимаемое же сообщество находится вне актора, это окружающие его индивиды, которых он и воображает, и входит с ними в контакт. Необходимо отметить, что для конкретного индивида большая часть общества воображаема, но невоспринимаема. Примером последнего могут быть как «общество в целом», так и далекие и незнакомые индивиды, которые для каждого из нас невоспринимаемы в качестве субъектов, воздействующих на нас и полагающих нашу реальность. В то время, как воображаемое сообщество относится к событию, воспринимаемое состоит из поступков, которые могут быть подвергнуты внешней оценке. Различие воображаемого и воспринимаемого сообществ осознается постфактум, когда поступок уже совершен, и актер представлен к ответу. Эта ответственность (юридическая) лишь косвенно связана с событиями и напрямую связана с поступками [3,156 – 160].

Возвращаясь к теме ответственности актора за поступки, которую нельзя списать на анонимный социальный порядок (мол, не мы такие – время такое), необходимо прояснить совместность субъектностей акторов. Довольно часто, применительно к историческому прошлому, а через него и к настоящему, субъектность акторов полагается чем-то само собой разумеющимся, будь то субъектность жертвы или агрессора, например. Для этого даже существует клише «остаться в истории». Но если агрессор ответственен за свои деяния, то и жертва ответственна за свои: коль скоро в событии участвовали двое – роль одного не может являться оправданием другого. Конечно, есть тип ситуаций, когда жертва оказывается не в состоянии дать отпор, но есть и другие случаи, когда жертва могла не согласиться с навязываемой ей плачевной ролью и, однако же, согласилась. Этим вопросом задается Гамлет:

«Быть или не быть – вот в чем вопрос. Достойно ль/Смиряться под ударами судьбы, /Иль надо оказать сопротивление...». В то время, как (псевдо)юридическая оценка ответственности предполагает ее самоочевидность, онтологический анализ исходит из возможности различных вариантов развития событий. В связи с этим жертва оказывается в той же мере ответственной за (не)использование тех вариантов, которые у нее были (или могли бы быть), что и агрессор.

Появление сослагательного наклонения открывает перед нами еще одну значительную проблему, особенно важную в контексте исторической вины наций, а именно: эквивалентности вменяемых субъектностей. Последнее означает, что один актер в схожих обстоятельствах может поступить аналогично другому. Историческая вина – это ответственность нации (народа и государства) за деяния, принесшие ущерб другим нациям (народам), например, насилие (геноцид) или эксплуатация (колониализм). В мире есть совсем немного наций (народов), которые бы в той или иной форме не совершали насилия над другими, и лишь некоторые из них в той или иной форме признали свою ответственность за них. В связи с этим возникает вопрос, поступили бы угнетаемые так же, окажись они на месте угнетателей: то есть, причиняли бы они насилие и признали бы впоследствии свою ответственность за него? Несмотря на свою сослагательность, этот вопрос представляется немаловажным, ибо почти всякий угнетаемый народ когда-то (или в настоящем времени) сам являлся угнетателем. И поскольку лишь некоторые нации признали свою ответственность или ведут дискуссию по этому поводу, резонно спросить об ответственности и всех остальных, которые страдали сами и заставляли страдать других.

Литература

1. Арендт Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла. М.: Европа, 2008.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010.
3. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003.
4. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
5. Тард Г. Социология и монадология. Пермь: Гиле, 2016.
6. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes. In: Communication Theory, 5/18/2004.